

В. В. Григорьев

**Об арабском
путешественнике 10 века,
Абу-Долефе, и
странствовании его по
Средней Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. В. Григорьев**
Об арабском путешественнике 10 века, Абу-Долефе, и странствовании его по Средней Азии / В. В. Григорьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-5444-7

Журнал министерства народного просвещения. Часть 163.

ISBN 978-5-4241-5444-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ми, его передающими; и Якутомъ, и Кавказцемъ, въ одномъ и томъ же видѣ, въ одной и той же последовательности. Незначительные варианты встрѣчаются у нихъ лишь по отношенію въ явкѣ, да изрѣдка короткая фраза, опущенная, по невнимательности переписчиковъ, у одного, пополняется другимъ, и наоборотъ. Такое однообразіе Абу-Долефова текста въ двухъ разныхъ его источникахъ заставляетъ думать, что „сказаніе“ дошло до насъ, черезъ посредство Якута и Кавказца, цѣлкомъ, въ подлинномъ его видѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышло изъ рукъ автора. Нѣтъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключать, чтобъ или Якутъ, или Кавказецъ, или кто другой до нихъ, сокращали, передѣлывали, искажали, намѣренно или безъ намѣренія, основной текстъ „сказанія“. Крайность этого послѣдняго нисколько не указываетъ на то, чтобъ оно когда-либо было пространнѣе: столь же немногословно слагаи свои „сказанія“ и другіе того времени мусульманскіе путешественники, до насъ дошедшіе.

Между тѣмъ „сказаніе“, въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, отличается образцоваю путаницей изложенія. Помимо другихъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, одна уже путаница эта заставляетъ полагать, что Абу-Долефъ не посѣтилъ лично и половины странъ, которыми, по словамъ его, проѣзжалъ онъ, а описываетъ ихъ по слуху, съ чужихъ словъ. Въ виду означенной путаницы приходится думать, что собственный его маршрутъ служилъ ему не болѣе какъ нитью, на которую маневровалъ онъ, вмѣстѣ съ личными своими замѣтками, и разказами слышанными отъ другихъ странствователей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, ужѣстно вставляетъ онъ послѣдніе или нѣтъ, и нисколько не затрудняясь чужіе разказы эти выдавать за собственные наблюденія и приключенія. Поступая такимъ образомъ, авторъ „сказанія“, по всей вѣроятности, и не подозревалъ даже, что совершаетъ подлогъ. Тѣмъ менѣе еще могло приходить ему въ голову, что такимъ безразборчивымъ сляніемъ чужихъ извѣстій съ лично имъ пріобрѣтенными, и чужихъ маршрутовъ съ тѣмъ, которому самъ онъ слѣдовалъ, не только не оказываетъ онъ услуги дѣлу знанія, а задаетъ еще отдаленному потомству египетскую работу разложенія на составныя части того, что такъ легко было ему сслепить.

Въ предположеніи, что таковъ именно былъ процессъ, которымъ возникло „сказаніе“ Абу-Долефа, предстояло бы — чтобы матеріалъ, заключающійся въ „сказаніи“, могъ быть обращенъ на пользу истори-

ческой географіи — поступить съ этимъ „сказаніемъ“ такимъ же образомъ, какъ поступило уже со сказаніями Сюань-Цзана и Марка Поло, то-есть, разобрать, какими изъ упоминаемыхъ имъ странъ могъ Абу-Долефъ, сообразно съ дѣлю своего путешествія, пробѣхать дѣйствительно, и о какихъ разказываетъ съ чужихъ словъ. Пока операція такого рода не была произведена надъ книгами знаменитаго китайскаго буддиста и не менѣе знаменитаго Венеціанскаго купца, ихъ маршруты тоже представлялись бессмысленными или даже невозможными, и приводили разумныхъ читателей въ отчаяніе. Но къ Абу-Долефову „сказанію“ оказывается неприложимымъ и такой способъ разслѣдованія: мы не знаемъ, куда именно ѣхалъ онъ изъ Мавераннахра, и куда именно прибылъ въ концѣ своего путешествія по Средней Азій. Такимъ образомъ, взглядыаясь ближе въ „сказаніе“ Абу-Долефа, можно прійти и къ другому заключенію — что Абу-Долефъ вовсе не совершалъ того путешествія, которое приписывается ему въ „сказаніи“, что „сказаніе“ есть не иное что какъ сборникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, какія можно было приобрести въ мусульманскомъ мірѣ около половины X вѣка по Р. Х., въ Индіи и странахъ на сѣверъ и на востокъ отъ Мавераннахра, изъ разказовъ магометанъ дѣйствительно забравшихся туда по торговымъ видамъ, или разказовъ уроженцевъ означенныхъ странъ, по какимъ-либо случаямъ попадавшихъ въ мусульманскіе края; что сборникъ этотъ составленъ какимъ-либо грамотнымъ Арабомъ, который нашелъ удобнымъ изложить собранныя имъ свѣдѣнія въ формѣ путешествія, и путешествіе это — чтобы дать бѣльшую извѣстность и бѣльшій вѣсъ своему труду — приписалъ Абу-Долефу, разумѣется, по кончинѣ его, какъ лицу славившемуся въ мусульманскомъ мірѣ многочисленностію своихъ странствованій. Словомъ сказать — что уже въ X вѣкѣ осуществлена была вѣтъ-либо та же самая мысль, тотъ же самый планъ, по которому, черезъ восемь слишкомъ вѣковъ, именно въ 1820-хъ годахъ настоящаго столѣтія, совокупилъ извѣстія Арабовъ о прикавказскихъ и другихъ странахъ, изложивъ ихъ въ видѣ путешествія по тѣмъ странамъ вымышленнаго имъ лица — извѣстный основательностью трудовъ своихъ ориенталистъ Д'Охсонъ¹⁾.

Которое изъ двухъ изложенныхъ предположеній ближе къ истинѣ,

¹⁾ Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le X-e siècle, ou voyage d'Abou - el - Cassim. Par C. D'Ochson. Paris, 1828.

пусть рѣшатъ сами читатели, на основаніи слѣдующихъ къ тому данныхъ.

„Сказаніе“ свое, послѣ предисловія въ общемусульманскомъ вкусѣ, Абу-Долефъ начинаетъ съ того, что во время нахождения его на службѣ у саманидскаго государя Насра сына Ахмедова, внука Исмаилова (властвовавшій въ 914—943 годахъ по Р. Х.), прибыло къ послѣднему отъ государя китайскаго (*мемисъ-эс-Синга*) Калатина (или Калына) сына Шахирова (или Шахбарова) посольство съ порученіемъ высватать дочь Насра за сына этого Калатина; когда же Насръ не изъявилъ на то согласія, затрудились выдать мусульманку за язычника, послѣ предложили устроить родственную связь между двумя государями женитьбою одного изъ сыновей Насра на дочери того же Калатина. На это Насръ далъ согласіе, и вслѣдствіе того, отправилъ въ Калатину своихъ пословъ, къ которымъ онъ, Абу-Долефъ, и присоединился, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ посѣтить страны турецкія и китайскія. За этимъ введеніемъ говорится, что по преслѣдованіи мусульманскими городами въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ, первымъ народомъ (*кабилы*), въ землю котораго прибылъ онъ съ посольствомъ, оказался народъ, обитающій въ странѣ *Харма*. Проѣхавши этою страню дѣльный мѣсяць, выбрались въ страну народа *Тазмакъ*, и ѣхали ею 20 дней. Затѣмъ прибыли въ страну народа *Наджа*, гдѣ провели мѣсяць. Оттуда вступили въ землю народа *Бедженакъ*, сосѣдною со странами *Саклабовъ*, а проѣхавши ею 12 дней прибыли въ землю народа *Джикиль*, которою и слѣдовали въ теченіи 40 дней. Изъ этой послѣдней вступили въ страну народа *Баграджъ*, и ѣхали ею мѣсяць, пока не прибыли въ землю народа *Тюббетъ*. Этою землею ѣхали 40 дней, послѣ него вступили въ страну народа *Кимакъ*, и ѣхали ею 35 дней, пока не достигли страны народа *Гузъ*, гдѣ пробыли мѣсяць. Изъ земли *Гузовъ* вступили во владѣнія народа *Тазазазъ*, которыми слѣдовали 20 дней. Отсюда направились въ страну народа *Хирхизъ*, и пробывъ въ ней мѣсяць, переѣхали въ страну народа *Хармузъ*, которою слѣдовали въ теченіи 25 дней, пока не достигли до земли народа *Хатмакъ*, а черезъ 10 дней пути по послѣдней прибыли въ страну народа *Хатаманъ*, и ѣхали ею 20 дней. Оттуда пріѣхали въ страну *Бам*, и слѣдовали ею 40 дней, пока не достигли до мѣста, именуемаго *Кулайбъ*. Землями отъ *Кулайба* зависающими ѣхали мѣсяць, послѣ чего достигли до *Макамъ-эль-Бабъ* („ворота, при которыхъ останавливаются“), песчаной страны, гдѣ находился приставъ государя китайскаго, отъ котораго зависѣло

разрѣшеніе на впускъ въ китайскія владѣнія для желающихъ вступить туда. Этою странною ѣхали 3 дня, имѣя угощеніе на счетъ государя (китайскаго) и получая свѣжій подъемный свотъ черезъ каждый фарсахъ ¹⁾ пути. Добравшись, такимъ образомъ, до *Вадиль-Макамъ* („рѣки, при которой останавливаются“), „попросили мы—продолжаемъ разказъ уже собственными словами Абу-Долефа—и получили позволеніе выѣхать въ дальнѣйшій путь ранѣе пословъ; но позволеніе это дано было намъ не прежде, какъ провели мы тутъ, среди красивѣйшей и пріятнѣйшей мѣстности, какія только есть въ Божьемъ мірѣ, три дня, угощаемые все это время на государевъ счетъ. Затѣмъ переправились мы черезъ рѣку, и ѣхали цѣлый день, пока не увидѣли издали городъ *Сендабиль*, столицу Китайскаго государства. Ночевали мы въ разстояніи одного жертеле (перегона) отъ нея, а вставши ѣхали съ раннего утра и достигли до нея лишь къ закату солнца“. Описавъ Сендабиль, Абу-Долефъ сказываетъ: „и отправились мы къ государю: онаважя онъ мастеромъ своего, царскаго, дѣла, человѣкомъ высокаго разума. И стали послы вести переговоры съ нимъ на счетъ порученнаго имъ сватовства дочери его за Нуха, сына Насрова. Соизволилъ онъ на это, и обласкалъ меня и пословъ. Оставались мы (въ Сендабиль) на государевомъ содержаніи, пока устроено было все къ свадьбѣ невѣсты, и приготовлено все, что пошло за нею въ приданое. Когда все это было кончено, передалъ онъ дочь на руки двумъ старъ внукамъ и тремъ старъ дѣвицамъ, изъ самыхъ почетныхъ при дворѣ. И повезли ее въ Хорасанъ къ Нуху сыну Насрову, и вступилъ онъ съ нею въ бракъ. Что же до меня касается, то оставался я въ Сендабиль, городъ китайскомъ, довольно долго, являясь время отъ времени къ государю. И бесѣдовалъ онъ со мною о разныхъ предметахъ, и разспрашивалъ о томъ, что дѣлается въ странахъ исламскихъ. Затѣмъ, попросилъ я у него позволенія на отъѣздъ, и отпустилъ онъ меня, одаривъ и снабдивъ всѣмъ, что только было нужно“. Изъ Сендабиля пробрался Абу-Долефъ въ *Кала* уже „на берегу моря, первый со стороны Китая индійскій городъ, въ разстояніи 300 фарсаховъ отъ китайскихъ предѣловъ, городъ далѣе котораго не плаваютъ корабли, ибо гибнуть въ морѣ“. Изъ *Кала* направился нашъ путешественникъ въ „Перцовую-Землю“, какъ называли арабы Малабарскій-Берегъ, и странствовать затѣмъ все по Индіи,

¹⁾ *Фарсахъ*, древняя *парасама* — путевая единица, равняющаяся приблизительно географической милѣ (7-я верста).

нея не возвратился въ мусульманскія страны черезъ Седжестанъ, въ то время, когда властвовалъ тамъ Абу-Джафаръ Мухаммедъ сынъ Ахмедовъ, внукъ Лейсовъ.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, маршрутъ первой половины странствованія Абу-Долефа (по Средней Азій), посмотримъ прежде всего, вѣроподобны ли обстоятельства, подавшія поводъ къ его путешествію.

Если ждъ „государемъ китайскимъ“, посольство котораго прѣзжало сватать дочь Насрову, разумѣть кого-либо изъ лицъ, занимавшихъ въ Китаѣ императорскій престолъ; то „сказаніе“ Абу-Долефа представляется лживымъ съ первыхъ же строкъ. Несомнѣнно, что никакой императоръ никогда бы не унижился до того, чтобы просить руки иностранной принцессы для своего сына, и тѣмъ болѣе, навязывать свою дочь въ жены иноземному наследнику престола. Правда, періодъ властвованія Насра сына Ахмедова (814—843) былъ смутнымъ временемъ для Китая. Извѣстно, что по паденіи, въ 907 году, знаменитой Тханской династіи, императорское достоинство присвоилъ себѣ тамъ низложившій послѣдняго изъ Тхановъ, главнокомандовавшій его войсками Чжу-внъ; но династія имъ основанная властвовала всего 17 лѣтъ; въ 923 году императорское достоинство перешло къ владѣльцу циньскому, Ли-дунъ-сю; но его родъ занималъ императорскій престолъ еще менѣе времени—только 13 лѣтъ. Въ 936 году, престоломъ этимъ овладѣлъ нѣкто Ши-цзинъ-тханъ, племянникъ и преемникъ котораго взятъ былъ въ плѣнъ Киданями, вмѣстѣ съ чѣмъ прекратилось, въ 947 году, и существованіе третьей, послѣ Тхановъ, императорской династіи. Независимо отъ государей трехъ династій этихъ, титулъ императорскій носили съ 916 года повелители Киданей, которымъ, кромѣ Монголіи, принадлежали и 16 китайскихъ округовъ въ внѣшнихъ областяхъ Чжи-ли и Сань-си¹⁾. Но киданьскіе императоры были слишкомъ могущественны и горды своимъ величіемъ, чтобы искать родственной связи съ государемъ Мавераннахра; и какъ ни слабы относительно были лица трехъ помянутыхъ императорскихъ династій въ Китаѣ, нѣтъ однако никакихъ поводовъ предпологать, чтобы и они, безъ особой въ томъ нужды, рѣшились отступить отъ вѣковыхъ обычаевъ „Срединной Имперіи“. Кромѣ трехъ династій, о которыхъ упомянуто, съ паденіемъ Тхановъ возникло въ разныхъ частяхъ Китая нѣсколько владѣній, государи которыхъ, хотя

¹⁾ Васильевъ, *Исторія и древности восточной части Средней Азій* (С.-Пб. 1859), стр. 18.

императорскаго титула вообще не принимали, властвовали однако совершенно независимо ¹⁾. Вотъ относительно этикъ владѣльцевъ нельзя поручиться, чтобы кому-нибудь изъ нихъ, сидѣвшему гдѣ-либо на западѣ Китая, не пришло желанія усилить себя родственною связью хотя и съ отдаленнымъ, но славнымъ государемъ Западныхъ Краевъ (*Си-Юй*), какъ звались въ Китаѣ страны на западъ отъ Парирской Висн. Допустить это гдѣ возможно, что „государемъ китайскимъ“ (*маликъ-эс-Омъ*) называли Арабы одинаково, какъ императора китайскаго, такъ и подручныхъ ему владѣльцевъ — вассаловъ, и даже правителей областей. Примѣръ перваго употребленія видимъ ми въ сказаніи Табари и повторяющихъ его позднѣйшихъ арабскихъ историковъ, о томъ что полководецъ Халифа Валида, Кутейба ибнъ-Мусликъ, принудилъ въ 96 году гижры (714 — 715 по Р. Х.) „государя китайскаго“ заплатить Халифу дань и признать себя его вассаломъ ²⁾, тогда какъ Кутейба далѣе Кашгара изъ предѣловъ Ферганы не проникъ, и могъ подвергнуть упомянутому униженію лишь вассальнаго Китаю владѣльца Кашгарской Области. Примѣръ втораго случая даетъ намъ купецъ Сулейманъ, титулованій *маликъ'ами* правителей главныхъ городовъ въ Китайской Имперіи, каковыхъ, по словамъ его, находилось тамъ двѣ сотни ³⁾. Имѣемъ, потому, полное право считать и Калатина Абу-Долефова не болѣе какъ за одного изъ удѣльныхъ въ Китаѣ или вассальныхъ Китаю, видъ предѣловъ его, владѣтелей. По отношенію къ сватовству со стороны Калатина „сказаніе“ не утрачиваетъ такимъ образомъ достовѣрности, если только не окажется, что помѣщаетъ Калатина Абу-Долефъ въ такую часть Китая, которая едва ли могла бы имѣть сношенія съ западомъ Азіи. Гдѣ же именно находились владѣнія Калатина? По маршруту Абу-Долефа этого нельзя опредѣлить съ точностію. Френтъ, а за нимъ и Гидьдемейстеръ съ Курдъ фонъ-Шлѣцеромъ, полагаютъ, что Калатинъ властвовалъ гдѣ-нибудь на Загангскомъ полуостровѣ ⁴⁾. Но

¹⁾ *Лакновъ Ючуринъ*: Статистическое описаніе Китайской Имперіи (С.-Пб. 1842), I, 192; *Клароухъ*: Tableaux historiques de l'Asie. Atlas, cartes 17 et 18-e.

²⁾ Рассказъ *Табари* см. у *Вейла*, въ его *Geschichte der Chalifen* (Mannheim, 1846), I, 503; *Ibn-el-Athiri chronicon*, ed. Tornberg, vol. V (Lugd. Batav. 1871), p. 2—3.

³⁾ *Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX-e siècle de l'ère chrétienne* (Paris, 1845), I, 32; II, 34.

Въ такомъ же смыслѣ увидимъ употребленнымъ ниже слово *маликъ* и въ *Афитабъ-Эль-Фигристъ*.

⁴⁾ *Abu Dolef commentarius*, p. 30, annot. 3.

если такъ, то представляется ли хотя малѣйшая вѣроятность, чтобы Калатинъ зналъ о существованіи Набра, и тѣмъ болѣе, вдумалъ родниться съ нимъ? Допустить это въ X вѣкѣ столь же невозможно, какъ и то, чтобы въ наше время какому-нибудь Цицингъ или Чжасяку хану халхаскому пришла фантазія присвататься въ дочери султана Ашантиевъ въ Африкѣ. Сватовство отъ Калатина могло имѣть мѣсто въ такомъ лишь случаѣ, если властвовалъ онъ въ западныхъ частяхъ Китая, находившихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Мавераннагромъ. Ниже укажемъ мы наши основанія полагать, что только въ означенныхъ предѣлахъ и могла находиться столица Калатинова, городъ Сендабилъ. Стало бытъ, и по отношенію въ мѣстопребыванію Калатина „сказаніе“ выдерживаетъ критику. Что же касается до самаго имени Калатина (или Калына) и отца его Шахира (или Шахбара), то хотя въ нихъ нѣтъ и тѣни китайщины, сблизяться этимъ не слѣдуетъ: Арабы способны были переначить китайскія имена до степени неузнаваемости еще превосходяще той, до какой, въ свою очередь, уродовали иногда и Китайцы трудно-произносимыя для нихъ имена арабскія, персидскія и турецкія.

Итакъ, по отношенію въ поводу для путешествія Абу-Долефа, не представляется, повидимому, особымъ причинъ считать его придуманнымъ или несообразнымъ съ обстоятельствами времени и мѣста. Не то находимъ при разсмотрѣніи его маршрута. Изъ китайскихъ источниковъ знаемъ мы, какія владѣнія лежали въ X и IX вѣкѣ между Мавераннагромъ и Китаемъ¹⁾. Нѣкоторыми изъ этихъ владѣній долженъ былъ проѣзжать Абу-Долефъ неминуемо, если путь его изъ Бухары или Самарканды въ Китай или на Заганскій полуостровъ лежалъ не черезъ Индію. Между тѣмъ, въ „сказаніи“ его не находимъ ничего похожего на имена этихъ владѣній. Единственное исключеніе составляетъ *Харка*, что можно принимать за *Яркенъ*, имѣя въ виду, что послѣднюю Марко Поло тоже называетъ *Karkan*, а Гоэсъ—*Niar-dan*²⁾. По именамъ трехъ первыхъ народовъ, странъ или городовъ, проѣханныхъ Абу-Долефомъ по выступленіи изъ предѣловъ Мавераннагра и Хорасана (*Харка*, *Тазтахъ*, *Наджа*), нельзя вывести заключенія даже о направленіи, по какому онъ выѣхалъ, то-есть, поѣхалъ ли онъ на Таразъ и черезъ Джунгарію, поѣхалъ ли черезъ

¹⁾ Известно это, между прочимъ, изъ путешествія буддиста Сянь-циня (Hing-kin). См. *Journal Asiatique* за 1847 годъ, t. X, p. 112.

²⁾ *Марко Поло*, въ изд. Потье (Paris, 1865), p. 141; *Гоэсъ*, у Юля въ его *Cathay and the way thither* (London, 1866), p. 462-564.

Фергану на Верхній-Барсаджаръ ¹⁾ или на Кашгаръ, поѣхалъ ли наконецъ, третьимъ путемъ, черезъ Тохарестанъ, Ваханъ и Памиръ, путемъ, которымъ слѣдовали и Сюань-Цзанъ, и Марко Поло, и Гювсъ ²⁾. Пусть диакритическія точки въ трехъ означенныхъ именахъ перевернаны переписчиками; будемъ читать эти имена съ важими угодно точками

¹⁾ *Барсаджаръ*: такъ читаю я вмѣсто *Бирсханъ* у Ибнъ-Хордадбега и Кодамы, по Барье-де-Менару и Шпревгеру; и вмѣсто *Берсаджанъ* у Эдриси, по Жоберу.

²⁾ Только этими тремя путями и ѣздили въ историческое время изъ долины Амударьи и Сырдарьи въ долину Тарима и далѣе оттуда, въ Китай ли, въ Тибетъ ли и Индію. Первый путь — на Таразъ и черезъ Джунгарію на Харашаръ или на Верхній-Барсаджаръ — описанъ у Ибнъ-Хордадбега (въ *Journal Asiatique* за 1865 годъ, т. V, р. 255—256) и у Эдриси (въ французскомъ, Жоберовомъ, переводѣ егo географіи, т. II, 214—218). Этою дорогою ѣхали въ переній путь свой Сюань-Цзанъ въ 630 году (*Mémoires sur les contrées occidentales*, trad. par St. Julien, Paris, 1857, I, 11—15), и посольство Шахрухово въ 1420 (официальный отчетъ объ этомъ посольствѣ, включенный въ сочиненіе свое авторомъ *Mamlouk-es-Sasdeins*, см. въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XVI, 1-re partie, р. 308—386). Второй путь — черезъ Фергану на Верхній-Барсаджаръ — описанъ тоже у Ибнъ-Хордадбега (I. с. р. 268—268) и у Эдриси (I. с. I. 489); вѣтъ же этого пути — изъ Ферганы на Кашгаръ — полнѣе чѣмъ у другихъ приведена въ известіи, въ началѣ текущаго столѣтія, Назетъ-ул-Лахомъ (см. въ *Magasin Asiatique* Клардоу, т. II, № III, р. 38—46). Описаніе третьяго пути — черезъ Тохарестанъ и Памиръ — которымъ ѣхали Сюань-Цзанъ (въ обратный путь), Марко Поло и Гювсъ, русскіе читатели могутъ найти въ первомъ выпускѣ нашего «Восточнаго Туркестана» (С.-Пб. 1869), стран. 234—251, 487—199, 501, 503 и 505—507. Кромѣ трехъ означенныхъ путей, былъ, по Масуди, и четвертый — тоже, повидному, черезъ Памиръ, но не изъ Тохарестана, и затѣмъ Ваханомъ — пролегавшій (будто-бы) долиною въ 40 или 50 миль длиною, которая прорѣзывала горы, гдѣ добывался нашатыръ; по этому пути, вьючнымъ животнымъ недоступному, разстояніе отъ Хорасана до Китая считалось (будто бы) всего въ 40 дней (*Les prairies d'or par Masoudi*, Paris, 1861, I, 347—348). Нашатыръ, по Истахри, добывался въ горахъ *Эль-Воттамъ*, къ сѣверу отъ Сеганіана, къ югу отъ Оеруши; изъ коихъ вытекала р. Зервешанъ (*Vine Regnum*, ed. J. de Goëje, Lugd. Batav. 1870, р. 313—318). Принимая это въ соображеніе, можно полагать, что путь, о которомъ говорятъ Масуди, — тотъ самый, что, по Эдриси, шелъ изъ Вашгерда на Рагъ, «городъ между двухъ горъ, тѣснивою между которыми проникали (въ мусулманскія земли) грабительскія шайки Турковъ, пока бармендъ Фадль сынъ Яхъи не загородилъ этой тѣснины стѣною съ воротами, и для охраненія ихъ не поставилъ тутъ гарнизона» (I. с. I, 484—485). По Ибнъ-Хальдуну (въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XIX, 1-re partie, р. 135—136), тѣснина эта находилась между горами *Эль-Воттамъ* (имя Кашгаръ-Даванъ) и горами, которыя отдѣляли страну Хуттель отъ земель Турковъ и Тибетцевъ (значить, Памиръ). Былъ можетъ, тѣснина эта — та самая впадина на Памирѣ, о существованіи которой заговорили въ послѣднее время.

(Джаржа, Хазка, Таджстадакъ, База, Таха и т. д.), и все-таки не выйдетъ никакого имени, напоминающаго извѣстныя имъ другія источники современныя Абу-Долефу имена народовъ или мѣстностей на пути черезъ Джунгарію или Восточный Туркестанъ до Китая или Загангскаго полуострова. Но вотъ, послѣ трехъ первыхъ загадочныхъ именъ, топографическихъ или этнографическихъ, говоритъ Абу-Долефъ о прибытіи своемъ въ землю народа, имя котораго изображается одинаково во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ; народа намъ знакомаго (*Беджмакъ* мусульманскихъ писателей несомнѣнно тождественны съ *Печенгами* русскихъ и *Пацманами* византійскихъ летописцевъ), и въ прибавкѣ, упоминаетъ, что земля этого народа смежна съ землею другаго, тоже намъ извѣстнаго (*Оскамакъ* мусульманскихъ писателей не означаетъ ничего иного, кромѣ *Славянъ*). И что же оказывается? Оказывается, что на пути изъ Маврааннагра на востокъ никоимъ образомъ не могъ Абу-Долефъ проѣзжать чрезъ земли этого народа, такъ какъ изъ непрекосныхъ свидѣтельств писателей русскихъ, византійскихъ и даже одного арабскаго, современника Абу-Долефу, извѣстно, что Печенѣги, уже въ концѣ IX-го вѣка (около 890-хъ годовъ) вытѣснены были изъ обиталищъ своихъ между Ураломъ и Волгою, дѣлая на западъ, въ степи придонскія и приднѣпровскія, и вытѣснены были именно *Узами*; то-есть, *Гузъ*ами мусульманскихъ писателей, которые Гузы, по тѣмъ же писателямъ, и занимали уже къ началу X-го вѣка все пространство степей отъ Волги до Аспиджаба (около нынѣшняго Чимкента) ¹⁾. Что именно

¹⁾ По *Константину Багрянородному* Печенѣги жили первоначально въ странѣ между Яикомъ и Волгою, значить тамъ, гдѣ теперь Внутренняя Киргизская Орда и Новоузенскій уездъ Самарской губерніи. Тутъ—говоритъ онъ—живутъ теперь Узмы, которые вытѣснили Печенѣговъ при помощи Хазаръ. Это вытѣсненіе Печенѣговъ Узами въ страны на западъ отъ Волги произошло, по тому же писателю, дѣтъ за 50—55 передъ тѣмъ, какъ писалъ онъ сочиненіе свое «Объ управленіи Имперіею», выходитъ—въ 890-хъ годахъ (*De administrando imperio*, сар. 37). По ерасскіямъ летописцамъ (см. *Шадисеровъ Nestor*, III, 40), въ 896 году Печенѣги выгнали уже Угровъ изъ Молдавіи. Въ нашихъ летописяхъ о первомъ приходѣ Печенѣговъ на Русь упоминается подъ 915 годомъ (*Карамзинъ*, И. Г. Р. I, 87 по изд. Эйнерлинга). По *Масуди*, Печенѣги, въ союзѣ съ тремя другими родственными имъ тюркскими народами, вели, въ 320-хъ годахъ гиджры (послѣ 932 по Р. X.) войну съ императоромъ византійскимъ, Романомъ, и проникнувъ до Константинополя, около 40 дней стояли подъ этою столицею (*Les traictees d'or*, II, 58—64). По тому же писателю, Гузы (то-есть, Узмы Византійцевъ), около 800 года гиджры (912—913 по Р. X.), имѣли уже зк-

этихъ, а не какихъ-либо другихъ Печенѣговъ гдѣ-либо въ глубинѣ Средней Азіи, имѣлъ въ виду Абу-Долефъ, утверждая что проѣзжалъ чрезъ эту землю, видно изъ того, что землю эту заставляеть онъ сосѣднть съ Славянами, какъ и было то дѣйствительно въ X-мъ вѣкѣ¹⁾. Явно, такимъ образомъ, что Абу-Долефъ не могъ проѣзжать чрезъ землю Печенѣговъ, слѣдуя изъ Бухари или Самарканда по пути въ Китай или на Загангскій полуостровъ. Припомнимъ къ тому, что имѣлъ онъ не одинъ, а съ послами Насровыми, которые, конечно, не стали бы, для его удовольствія, сворачивать съ своего пути — куда?—въ Придонскія степи! Выходить, по всѣмъ вышеприведеннымъ справкамъ и соображеніямъ, что разказъ Абу-Долефа о Печенѣгахъ—если принять предположеніе о вставочномъ характерѣ нѣкоторыхъ статей въ его маршрутѣ—разказъ вставочный.

Далѣе, такими же вставочными въ маршрутѣ Абу-Долефа должны быть признаны и разказы его о посѣщеніи имъ земель *Гузоевъ, Джамилей, Килмаковъ, Хирмизоевъ* и *Хатаянъ*, такъ какъ земли этихъ народовъ находились далеко отъ всякихъ путей сообщенія, по которымъ послы Насровы могли слѣдовать къ Сендабилию, находисъ городъ

новки свои около сближенія Дона съ Волгою, какъ видно это изъ его сказанія о рѣчномъ походѣ Руси изъ Чернаго и Азовскаго морей въ Каспійское (ibidem, II, 19). По *Истахри*, Гузы, въ его время (первая четверть X-го вѣка), занимали пространство степей по восточному и сѣверному берегу Каспія, оглядая мусульманскія страны отъ Джорджана до Фараба и Аспиджаба, имѣя сосѣдами (на западѣ) Хазаровъ, (на сѣверо-западѣ) Булгаровъ, (на сѣверо-востока) Ермаковъ, (на востока) Харлуховъ. О Печенѣгахъ же упоминаеть онъ какъ о тюркскомъ народѣ, который отдѣлился отъ прочихъ единоплеменниковъ, оставилъ прежнія кочевья свои, и поселился въ земляхъ между Хазарією и Румомъ» (Византійскою Имперією) (Viae Regnum, p. 9—10). Если географъ XI-го уже вѣка, *Аль-Бекри*, все еще сѣвренюю границу печенѣжскихъ кочевій считаеть землю Кипчоловъ, а южною—землю Хозаровъ, то, въ то же время, западною ихъ границею является у него уже земля Славянъ (см. въ *Journal Asiatique* за 1849 годъ, т. XIII, p. 461 et 467), а это показываеть лишь то, что у него смѣшаны старыя извѣстія о Печенѣгахъ, относящіяся ко времени пребыванія ихъ между Якомъ и Волгою, съ извѣстіями новѣйшими о поселеніи ихъ уже на пространствѣ «отъ Хазаріи до Рума», какъ говоритъ *Истахри*.

¹⁾ Во время Константина Багрянороднаго (944 — 959 гг.) Печенѣги, по показанію этого императора, жили на-половину къ востоку отъ Днѣпра до предѣловъ земли Узоевъ и Хазаровъ, а на-половину — къ западу отъ Днѣпра, сосѣдствуя съ Булгарами, Уграми, Русью и подвластными послѣдней славянскими родами (De administrando imperio, стр. 37, въ Болонскомъ изданіи сочиненій Багрянороднаго consilio Niebuhrіi, т. III, стр. 166).